

Он справится!

Расс. правды - 1997 - 18 окт. - с. 3.

Леонид Филатов – необыкновенно притягателен.

Прошлым летом привезла Леониду Филатову из Италии маленькую пепельницу зелено-голубого венецианского стекла. Он подержал в своих тонких пальцах, любуясь, и тотчас принялся опускать в нее один за другим тонкие золоченые окурки. Он курил до одури, и, чтоб поменьше отравы в организме, они с Ниной Шацкой, женой, придумали курить эти почти женские сигареты. Ему нельзя было многого. В том числе пить. Притом речь уже не о водке, а о воде. Жена и мама внимательно отслеживали количество потребляемой жидкости. Больные почки давно ни с чем не справлялись. Яды поступали в кровь.

Справлялся он. Трижды в неделю жена садилась за руль «жигуленка» и везла его в больницу, где ему меняли кровь заново. Так механически на короткий срок убирали интоксикацию. Потом она нарастала. Ее снова убирали. Вены на руке были исколоты, как у наркомана. Он справлялся.

Пару раз в месяц его друг Леонид Ярмольник заезжал за ним, он красиво одевался, они ехали в китайский ресторан. Филатов обожает китайскую еду. Когда он это рассказывал между делом, отчего-то я была страшно растрогана и благодарна этому Ярмольнику.

Мы не были друзьями. Я и не мечтала числиться в друзьях. Особенно когда он был здоров и немислимо хорош собой. Хорош не как слащавый красав-

чик, а как настоящий мужчина. Бывают мужчины, в которых что-то есть, и этим они необыкновенно притягательны. В нем это было. И продолжает быть. Но он заболел, и как будто это могло как-то уравнять нас: я осмелилась, позвонила, была принята, задавала вопросы, написала материал в «Комсомолке» и с тех пор заходила раз в две-три-четыре недели. Приносила мороженое, которое съедали мы с Ниной. Или, наоборот, я съедала мороженое, которое доставала из холодильника Нина.

Казалось, мои визиты хотя бы отчасти развлекали его.

Мне они стали необходимы.

Я не могу облечь это в слова. Не могу сказать, что училась у него мужеству. Что черпала странной легкости и бодрости. Что он заражал теперь уж не актерским – какое актерство на кухне! – а каким-то особым человеческим талантом.

Хотя все присутствовало. Но было еще что-то, отчего тянуло в этот дом, за этот уютный стол, к этому человеку.

Он потряс меня необычайной искренностью, открытостью в первом же разговоре и таким счетом к себе, которого я, пожалуй, не встречала ни у кого до сих пор. И болезнь свою он встретил как земное наказание за свои прегрешения. Хотя думаю, их у него не больше, а может, и гораздо меньше, чем у многих из нас. У меня, напри-

мер. Но мы молчим. Или жалуюсь. Или обвиняем обстоятельства, врагов, кого угодно, только не себя. А он принял свалившееся на него и нес свой крест, как подобает человеку. Я бы сказала: Человеку.

Конечно, он ворчал, он повышал голос, он укорял за что-то жену, он делал все, что делает нормальный человек, не ангел.

Но внутренний свет, шедший от него, я ощущала почти физически.

Мы сидели на кухне, пили чай или ели мороженое. Он тоже пил и ел. По чуть-чуть. Если уставал, уходил в спальню, лежал. После возвращался. Мы обсуждали его будущую операцию. В Германии, или во Франции, или в Израиле. Врачи настаивали, чтоб он оперировался здесь. Операция была неизбежна. Требовалось только время, чтобы подготовить организм. Длительное время.

Он справлялся.

А однажды был ужасно грустен. И жена, умница, принесла из другой комнаты переписанные ее рукой его стихи. Из пьесы, которую он то ли писал, то ли не писал тогда, бросил, не хотел возвращаться. И заставила его прочесть мне.

Мы так хохотали! Это было так талантливо...

Он видел, что я не притворяюсь, что мне действительно понравилось и настроение у него поднялось. Глаза заблестели. Когда уходила, поцеловал мне руку.

«Комсомолка» напечатала большой кусок этой его вещи «Любовь к трем апельсинам».

Потом был его юбилей. Было присвоение звания народного артиста России. Была премия «Триумф». Была премия ТЭФИ за передачу «Чтобы помнили».

Между прочим, я вот пишу, а по ТВ эта передача. Про Николая Рыбникова. Филатов, как всегда, изыскан, красив, благороден. У него благородство человека, обладающего памятью. Это так важно сегодня.

Потом читали его пьесу в театре. Он начал и устал, не смог продолжать. Продолжил другой. Театр стонал от хохота.

Господи, как хорошо, что мы дожили до такого времени, когда можем говорить и говорим живому человеку, как мы его любим – не дожидаясь смерти, когда он этого уже не узнает. Как не узнали Владимир Высоцкий, Олег Даль, Василий Шукшин. Тогда царил застегнутый на чиновничьи пуговицы официоз и не было свободы.

Нынче она есть. И любовь начинает править миром.

Отправила телеграмму: «ДОРОГОЙ ЛЕНЯ ВАШЕ МУЖЕСТВО ВАШ ТАЛАНТ НАША ЛЮБОВЬ ДА ПОМОГУТ ВАМ ВЫ БУДЕТЕ ЗДОРОВЫ».

Ольга КУЧКИНА.

Фото

Валерия ПЛОТНИКОВА.